

ДЕВЯТЫЙ НОМЕР

СЕСИЛИЯ СУАРЕЗ

18+

Сесилия Суарез

Девятый номер

«Автор»
2026

Суарез С.

Девятый номер / С. Суарез — «Автор», 2026

Он — лучший бомбардир лиги, привыкший, что женщины падают к его ногам. Она — аналитик, которая смотрит на него как на набор цифр. Но когда его не берут в сборную, только она может вернуть его в игру.

© Суарез С., 2026
© Автор, 2026

Содержание

Соскок 5
Глава 1. Просмотр 7
Глава 2. Аналитика 13
Глава 3. Ультиматум 24
Глава 4. Ледяной приём 33
Конец ознакомительного фрагмента. 37

Девятый номер

Соскок

Даша

Воздух в зале был густым и сладким. Он пах магнезией и тем особым, ни с чем не сравнимым запахом соревнований: смесью адреналина, страха и воска, которым натирают брусья. Я любила этот запах. Я дышала им с трех лет, с того самого дня, когда отец впервые привёл меня в гимнастический зал и сказал: «Смотри, дочка. Здесь делают чемпионов».

Сегодня я должна стать чемпионкой. Областные соревнования. Отбор на первенство России. Я лучшая в возрастной группе — тренеры говорили это, судьи кивали, соперницы отводили глаза. У меня самые высокие баллы за вольные, самые чистые приземления на бревне, самые сложные элементы на брусьях. И мой коронный соскок: двойной винт с контрвращением, который я репетировала десятки тысяч раз. Я могу сделать его с закрытыми глазами. Именно он должен был поставить жирную точку в моей победе.

Я стояла у края помоста и ждала, пока судья даст отмашку. В зале было тихо. Звенящая тишина, которая наступает перед выступлением фаворита. Никакого давления. Краем глаза я видела трибуны: мама, сжимающая в руках телефон, и отец с его пристальным взглядом. Он не улыбался. Он никогда не улыбался на соревнованиях. «Улыбаться будешь, когда выиграешь», — говорил он. И я собиралась выиграть.

Я вдохнула глубоко и выдохнула, как учил тренер: медленно, под счёт. Раз-два-три-четыре. Пальцы сами собой сжались в кулаки и разжались — привычный ритуал, который помогал сбросить напряжение. Я поправила идеальную кичку на голове, проверила, что магнезия лежит ровно на ладонях, и шагнула к снаряду.

Первые элементы пошли легко. Разгон, большой оборот, перелёт с верхней жерди на нижнюю — чисто, без малейшей помарки. Я чувствовала своё тело как идеально настроенный инструмент: каждая мышца работала в унисон, каждое движение было точным и выверенным. На мгновение я поймала взгляд отца — он чуть подался вперёд, и я знала, что всё хорошо. Всё идеально.

Последний элемент.

Соскок.

С силой оттолкнулась от верхней жерди и начала вращение.

Один оборот.

Второй.

В воздухе я успела подумать: «Всё, приземлюсь, уже чемпионкой». Я уже видела, как приземлюсь, как вскину руки, как улыбнусь судьям и трибунам. Я уже слышала гром аплодисментов. Губы уже растягивались в улыбке.

Но что-то пошло не так.

До сих пор не знаю, что именно. Может, я слишком рано раскрылась. Может, толчок был чуть слабее, чем нужно. Может, просто судьба решила иначе. Я приземлилась на левую ногу, и она подвернулась не так, как подворачивается лодыжка на неровном тротуаре, а страшно, неестественно, с хрустом, который я не столько услышала, сколько почувствовала. Хруст прошёл через всё тело: от лодыжки до позвоночника, до зубов, до корней волос. Боль была такой силы, что на мгновение я ослепла. Перед глазами вспыхнуло белое, потом резко чёрное.

Я рухнула на маты. Не так, как падают гимнастки, когда неудачно приземляются, но могут встать и улыбнуться. Я рухнула тяжело, всем весом, и нога осталась под неестественным углом. Я посмотрела на неё и не узнала. Это была не моя нога. Моя нога не могла быть вывернута так.

Я не сразу поняла, что кричу. Звук шёл откуда-то будто снаружи. Животный, нечеловеческий крик. Он заполнил весь зал, отразился от стен, заметался под сводами. Краем глаза я видела, как вскочила мама. Как судья замерла с открытым ртом. Я не соображала, механически фиксировала происходящее.

А потом я увидела отца. Он не вскочил. Не побежал. Он стоял на том же месте, где и секунду назад, и его лицо было каменным. Нет, не просто каменным — пустым. Так смотрят на сломанный механизм: «Работал, а теперь нет. Жаль».

Я зажмурилась. Боль волнами накатывала от лодыжки, поднималась по ноге, затапливала всё тело. Я не могла пошевелиться. Мне казалось, что если я пошевелюсь, отключусь. Где-то рядом уже суетились врачи, я слышала их голоса. Чьи-то руки коснулись плеча, и я вцепилась в них, как утопающий в соломинку.

— Всё будет хорошо, девочка, — сказал кто-то. — Ты сильная, справишься.

Я не была сильной. Я была сломанной. В шестнадцать лет, на пике своей карьеры, на глазах у родителей, тренеров, соперниц и судей, я лежала на матах и не могла встать. И где-то глубоко внутри, под слоями боли и страха, уже росло понимание: это конец. Не соревнований. Не сезона. Конец всего.

Меня несли на носилках к выходу. Я видела, как расступаются люди, слышала обрывки разговоров. Кто-то плакал. Кажется, мама. Я подняла глаза и в последний раз увидела отца. Он стоял всё там же. И его губы беззвучно шевелились. Я не слышала слов, но знала, что он говорит. «Ждановы не ломаются».

А я сломалась.

Через два дня

Я лежала в палате и смотрела в потолок, вдыхая мерзкий запах хлорки. Нога, закованная в гипс от пальцев до колена, казалась чужой, приставленной от другого человека. Врачи сказали: сложный перелом со смещением, разрыв связок, потребуется операция. О гимнастике — забыть. Может быть, когда-нибудь, через годы реабилитации, я смогу ходить без боли. Но летать больше никогда.

Мама сидела рядом и держала меня за руку. Она не говорила, просто гладила мои пальцы и иногда всхлипывала. Отца не было. Он пришёл вечером первого дня, постоял в дверях, посмотрел на мою ногу и сказал: «Ничего. Найдёшь себя в чём-то другом». И ушёл. Мне показалось, что я услышала в его голосе не сочувствие, а разочарование. Как будто я подвела его. Как будто я перестала быть его дочерью в ту самую секунду, когда моя нога хрустнула.

Я закрыла глаза и попыталась не плакать. Но слёзы всё равно текли. Я плакала не о ноге. Не о гимнастике. Я плакала о том, что потеряла. О том, кем я была, и кем больше никогда не стану.

И ещё о том, что отец не обнял меня.

Глава 1. Просмотр

Артем

Я просыпаюсь за час до будильника. Такое бывает только в двух случаях: когда накануне перебрал с текилой и организм взбунтовался, либо когда предстоит что-то действительно важное. Текилы вчера не было — тренерский штаб «Зенита» ввел сухой закон за трое суток до сборов. Оставался второй вариант.

За окном пентхауса Петербург ещё спал под серым одеялом облаков, но я уже стоял босиком на холодном мраморе и смотрел на город сверху вниз. Мой город. Моя высота.

— Ну что, Березин, — сказал я собственному отражению в панорамном окне. — Сборная России. Доигрался.

Отражение ухмыльнулось. Высокий, красивый — я знал, что выгляжу на все сто. И на все двести, если добавить правильный ракурс. Я повернул голову, ловя утренний свет так, чтобы подчеркнуть скулы. Ямочка на правой щеке проявилась сама собой. Фирменная. От нее фанатки визжат и скидывают трусики.

Телефон завибрировал на тумбочке. Я подошёл, даже не глядя на экран знал, что там. Лайки. За ночь под последней записью с новыми бутсами набежало одиннадцать тысяч. Я открыл истории ВКонтакте и выложил фото рассвета с подписью: «Новый день — новый шанс доказать, что я — топ, а остальные пусть просто смотрят».

Через три минуты прилетел ответ от агента. Виктор Морозов никогда не спит.

«Не тупи. Без эпатажа. Сборная — это не клуб. Там старики решают».

Я хмыкнул и швырнул телефон на кровать. Старики. Сколько себя помню, мне всегда говорили, что я слишком молодой, слишком дерзкий, слишком громкий. Но именно поэтому на мои матчи ходили. Именно поэтому спонсоры выстраивались в очередь. Я был не просто нападающим — я фронтмен. И сегодня должен было получить постоянную прописку в главной команде страны.

Одной сториз мало. На столе — тарелка с омлетом, авокадо, зерновой хлеб. Кофе. Чёрный. Без сахара. Рядом положил ключи от машины. Брелока «Зенит». Тегнул аккаунт клуба.

Пододвиеул тарелку левее. Нет, правее. Свет должен падать на авокадо. Лучше сверху. Вытянул руки вверх, стараясь ровно держать мобилу. Снимаем!

В кадре тарелка, кофе, ключи, кусок столешницы и моя рука с татухой — небрежно, типа случайно попала. Фаны такое любят.

Фильтр. Контрастность поднять. Тени затемнить. Чёткость на максимум.

Подпись: «Завтрак чемпиона. #топчик #утро #Зенит».

Публикую.

Жду. Кофе остывает. Плевать.

Обновляю. Две минуты — 342 лайка. Комментарии: «Красавчик», «Приятного аппетита», «Что за тачка?». Отвечаю на последний: «Угадай».

Ещё обновляю. 567. Растёт. Норм.

Омлет холодный. Пофиг.

Сборы проходят на базе в Новогорске. Я приехал на час раньше специально, чтобы освоиться, почувствовать поле, пока остальные будут мяться в раздевалке. Привычка. Я всегда прихожу первым и ухожу последним. Не потому что дисциплинированный — потому что не выношу, когда кто-то видит меня неподготовленным.

Форма сидит как влитая. Красная, с белыми полосами по бокам. Я покрутился перед зеркалом в пустой раздевалке, поправил воротник-стойку. Идеально.

— Ты — топ, — сказал я своему отражению. — Они — расходный материал.

Этот ритуал появился ещё в юниорах. Когда отец впервые не пришёл на матч — сказал, что незачем смотреть, как я «позорю фамилию». Я тогда стоял перед зеркалом в школьной раздевалке и повторял эти слова как мантру, пока дрожь в коленях не прошла. С тех пор так и повелось. Психологи говорят — аффирмации. Отец говорит — дурь. Мне плевать. Это работает.

На поле я вышел за двадцать минут до построения. Газон был идеальным: ровный, стриженый, пахнущий утренней росой. Я снял кроссовки и прошёлся босиком. Ещё одна привычка. Земля должна знать, кто по ней ходит.

— Березин, ты чего раздетый? — раздался голос за спиной.

Я обернулся. В воротах стоял Илья Котов — вратарь «Зенита» и по совместительству единственный человек в команде, которого я мог назвать... ну, не другом. Скорее, полезным знакомым. Два метра роста, бородатый, с ладонями-лопатами — он выглядел как медведь, которого зачем-то поставили в футбольную рамку.

— Поле слушаю, Кот.

— И что говорит?

— Говорит, что сегодня я забью три.

Кот хмыкнул и покачал головой.

— Ты бы хоть для приличия сделал вид, что волнуешься.

— А смысл? — Я натянул бутсы, лимитированная серия в фирменных цветах «Зенита» — синие с белой полосой, и потянулся. — Это формальность. Я лучший бомбардир сезона. Кого они ещё возьмут?

Кот ничего не ответил. Просто пожал плечами и ушёл к воротам разминаться. Уже потом я вспомнил этот момент и понял: он знал. Знал, но не сказал. То ли не хотел расстраивать, то ли решил, что мне полезно будет получить по носу.

Тренировочный матч начался в десять. Составы смешанные: половина — действующие игроки сборной, половина — претенденты вроде меня. Мне досталась роль центрального нападающего во второй команде, и я сразу понял: это проверка. Если забью — переведут.

Первый тайм прошёл спокойно. Я не форсировал. Присматривался. Защитники сборной были хороши: мощные, опытные, но медленные. Особенно правый крайний — ему под тридцатник, и он не успевал за моими рывками. Я запомнил это.

На пятнадцатой минуте мяч пришёл ко мне на фланг. Я ушёл от одного, от второго, вошёл в штрафную и пробил в дальний угол. Штанга.

— Пас! — крикнул кто-то из центра. — Пас давай!

Я даже не посмотрел в ту сторону. Пас — это для тех, кто не умеет решать сам. Я умею.

Во втором тайме я включился по-настоящему. Мяч после длинной передачи приземлился у линии штрафной. Защитник пошёл в подкат, но я перекинул через него, убрал под себя, ложный замах — и вколотил под перекладину. Вратарь даже не шелохнулся.

— Видали?! — Я развернулся к скамейке, широко улыбаясь, и развёл руки в стороны.

Ямочка на щеке проявилась сама собой. Я ждал аплодисментов. Ждал, что тренерский штаб оценит. Но на скамейке было тихо. Главный тренер сборной, Виктор Иванович Черкасов — седой, с квадратной челюстью и взглядом, которым можно гвозди забивать, что-то записывал в блокнот и даже не поднял головы.

Неприятно кольнуло где-то в груди, но я отмахнулся. Они специально. Проверяют на прочность. Хотят увидеть, не сломаюсь ли я без похвалы.

Хрен им.

Я продолжил играть в том же духе. Дважды не отдал пас, когда партнёры были в явно лучшей позиции. Один раз попытался пробить с острого угла, хотя логичнее было прострелить. Вратарь легко забрал мяч в руки, и кто-то из полузащитников в сердцах выругался.

— Березин, ослеп, что ли?!

Я молча показал ему палец. Не дождётесь.

После матча я первым ушёл в раздевалку. Не потому что устал — потому что мне нужен был телефон. За время игры наверняка набежало ещё пара тысяч лайков, а может, и комментарии от спонсоров. На прошлой неделе я выложил запись с новыми бутсами и отметил бренд — они обещали репост.

Телефон показал пятнадцать тысяч. Неплохо. Я пролистал комментарии.

«Березин — красавчик!»

«Сине-белые бутсы — огонь!»

«Когда уже в сборную?»

«Топчик!»

Я улыбнулся. Вот оно — признание. Не от тренеров, так от людей. Им плевать на тактику, на пасы, на «командный дух». Они хотят зрелище. И я им его даю.

— Березин.

Голос прозвучал резко, как щелчок кнута. Я поднял глаза. В дверях раздевалки стоял помощник главного тренера — невысокий, лысый, с вечно недовольным лицом.

— Черкасов ждёт. Живо.

Я не спеша отложил телефон, поправил воротник-стойку и пошёл за ним. По коридору шагал широко, вразвалочку, чтобы каждый встречный видел: я спокоен. Мне не о чем волноваться.

Кабинет главного тренера был маленьким и аскетичным. Стол, стул, тактическая доска на стене, пара вымпелов. Черкасов сидел за столом и что-то писал. Когда я вошёл, он поднял голову и жестом указал на стул напротив.

— Садись, Березин.

Я сел, закинув ногу на ногу. Включил свой фирменный прищур — тот самый, от которого журналистки краснеют, а фанатки пищат. Черкасов посмотрел на меня как на пустое место.

— Ты знаешь, зачем я тебя позвал?

— Предположу, чтобы похвалить за гол.

Он усмехнулся. Но это была не добрая усмешка. Так улыбается акула, прежде чем сомкнуть челюсти.

— Хороший гол, — сказал он медленно. — Эффектный. На повторе будет смотреться отлично.

Я кивнул, уже предвкушая, как выложу видео в ВКонтакте.

— Но в сборную ты не проходишь.

Чегооо?! Это шутка?

Тишина. Слышно было, как где-то в коридоре хлопнула дверь и чьи-то шаги удалились. Я смотрел на Черкасова и ждал, что он сейчас рассмеётся, скажет: «Шутка, Березин, расслабься». Но он не смеялся.

— В смысле? — Мой голос прозвучал глуше, чем я рассчитывал.

— В прямом. Ты не слышишь команду. Ты играешь сам на себя. Мне нужен нападающий, который отдаст пас, когда это нужно, а не будет тащить одеяло на себя, чтобы потом выложить нарезку моментов в соцсети.

Соцсети. Он сказал это так, будто это ругательство. Я почувствовал, как внутри закипает знакомая горячая волна. Сарказм — мой щит. Мой меч. Моя гребаная суперсила.

— Понял, — я растянул губы в улыбке, хотя внутри всё сжалось в тугой узел. — То есть вы предпочитаете серых мышей, которые не забивают, зато дисциплинированно бегают по схеме?

Черкасов отложил ручку. Снял очки. Посмотрел мне прямо в глаза — и в этом взгляде не было ни злости, ни желания поставить меня на место. Только усталость.

— Березин, ты талантливый игрок. Один из лучших, кого я видел за последние пять лет. Но футбол — это не теннис. Здесь одиннадцать человек. И если ты не научишься слышать остальных десятерых, никакой талант тебя не спасёт.

— Я забил в этом сезоне двадцать семь голов, — процедил я. — Два-дцать-семь. Вы много знаете нападающих с такой статистикой?

— Я много знаю нападающих, из-за которых команды разваливались.

Удар ниже пояса. Я сжал челюсти так, что зубы скрипнули.

— Это всё?

— Да. Можешь быть свободен.

Я поднялся. Медленно, чтобы не показать, как дрожат колени. Подошёл к двери. И уже взявшись за ручку, обернулся:

— Вы ещё пожалеете.

Черкасов ничего не ответил. Он уже снова что-то писал.

Я вышел в коридор и прижался спиной к холодной стене. Сердце колотилось как бешеное. В ушах стоял гул, как после оглушительного промаха с пенальти. Провал. Меня не взяли. Меня — лучшего бомбардира «Зенита», топ-игрока, звезду — не взяли в сборную.

Я достал телефон. Механически открыл ВКонтакте. Лайки всё ещё капали. Кто-то писал «ждём в сборной», кто-то — «ты лучший». Я смотрел на эти комментарии и чувствовал не радость, а тошноту. Они ничего не знают. Они думают, что я уже в составе. А я... я пролетел.

— Березин!

Я поднял голову. В коридоре стоял Морозов — мой агент. Значит, уже всё знает. У него нюх на плохие новости, как у стервятника на падаль.

— Ты как? — спросил он, подходя ближе. Говорил тихо, почти шёпотом, но я знал этот тон. Так он разговаривает с теми, у кого проблемы.

— Нормально.

— Нормально — это не ответ. Что сказал Черкасов?

Я оттолкнулся от стены и пошёл к выходу. Морозов засеменил рядом.

— Артём, не молчи. Нам нужно решать, что делать дальше.

— А что тут решать? — Я резко остановился, так что он чуть не врезался в меня. — Меня не взяли. Конец истории.

— Конец? — Морозов прищурился. — Ты правда так думаешь? Думаешь, я допущу, чтобы мой главный клиент остался за бортом сборной?

— И что ты предлагаешь?

— План «Б», — он достал из кармана визитку и протянул мне. — У нас есть свой козырь. Точнее — свой аналитик.

Я глянул на визитку. Чёрный картон, золотое тиснение: «Дарья Жданова. Спортивный аналитик».

— Жданова, — прочитал я вслух. — Дочь того самого Жданова?

— Именно. Девчонка — гений. Работает с цифрами так, как никто другой. Если кто-то и может переубедить тренерский штаб — это она. Только...

— Что «только»?

— Она своенравная. И не падкая на твои обычные штучки.

Я хмыкнул.

— Это на какие такие «штучки»?

Морозов посмотрел на меня как на идиота.

— Березин, я знаю тебя пять лет. Ты включаешь обаяние, и женщины тают. Но Жданова — не из таких. Ей плевать на твои скулы и на твою ямочку. Ты для неё — набор данных. Цифры. Статистика. И судя по тому, что я о ней слышал, тебя она терпеть не может.

Я ещё раз посмотрел на визитку.

— Значит, будет интересно.

— Артём...

— Я сказал: будет интересно, — поправил воротник-стойку и пошёл к выходу. — Созвонимся.

На парковке я сел в свой внедорожник и несколько минут просто сидел, глядя перед собой. Руль был холодным. В зеркале заднего вида отражались мои собственные глаза. Наглый прищур исчез. Я выглядел уставшим. И злым. Очень злым.

Отец. Вот о ком я думал. Он узнает. Обязательно узнает — у него везде свои уши. И позвонит. И скажет своим фирменным тоном, тем самым, от которого у меня с детства сводило живот: «Я же говорил. Без голов ты ноль».

Я сжал руль. Ноль. Я всю жизнь доказывал, что это не так. Забивал, забивал, забивал — и каждый новый гол был криком: «Смотри, пап, я существую! Я ценный! Я не ноль!» А теперь меня не взяли в сборную. И сколько бы лайков ни было под моими фото, отец был прав. Без голов я — ничто.

Телефон завибрировал. Я глянул на экран. Мама. Не отец. Спасибо хоть на этом.

— Алло.

— Тёмочка, привет. Ты как? Мы с папой смотрели новости, говорят, сборы...

— Мам, я не могу сейчас. Позже наберу.

Я сбросил вызов и откинулся на сиденье. Смотрел в потолок. Дышать было тяжело, как после матча, когда отыграл все девяносто минут и нет сил даже на то, чтобы поднять руки.

Ладно. Провал — это не конец. Провал — это просто повод найти новый путь.

Я достал визитку Ждановой. Покрутил в пальцах. Дочь легендарного тренера. Гений. Терпеть меня не может.

— Ну что ж, госпожа аналитик, — пробормотал я вслух. — Посмотрим, кто кого переиграет.

Завёл мотор. Двигатель заурчал, и этот звук подействовал лучше всякой терапии. Мощность. Контроль. Я нажал на газ и вылетел с парковки, оставляя за спиной базу, сборную, Черкасова с его нравоучениями и собственное унижение.

В зеркале заднего вида Новогорск становился всё меньше. Я смотрел вперёд. Впереди был Петербург, новый план и женщина, которая, если верить агенту, не купится на мои чары.

Это была проблема. Но я люблю решать проблемы.

Особенно красивые.

Дома я первым делом залез в душ. Горячая вода хлестала по плечам, по затёкшим мышцам, по лицу. Я стоял, упершись ладонями в кафель, и смотрел, как струйки стекают по рельефу пресса. Тело привычно работало, сердце качало кровь, лёгкие гоняли воздух, а внутри была пустота.

Я думал о Ждановой. Точнее о том, что мне про неё рассказывали. Она появилась в структуре «Зенита» около года назад, но я никогда с ней не пересекался. Мои интересы лежали на поле, а не в кабинетах с графиками. Говорили, что она — дочь того самого Олега Жданова, который вывел «Локомотив» в чемпионы в начале двухтысячных. Легенда. Таких, как он, сейчас уже не делают: стальная хватка, гениальное чутьё и полное неумение проигрывать. Если его дочь хоть на треть похожа на отца, лёгкой прогулки не выйдет.

Я выключил воду и вышел, обмотав бёдра полотенцем. Прошёлся по квартире, оставляя мокрые следы на мраморе. Пентхаус был огромным: триста квадратов, панорамные окна, дизайнерский ремонт. Я купил его два года назад, когда подписал контракт с «Зенитом» на рекордные для меня условия. До этого ютился в однушке на окраине Москвы, где единственным источником тепла был старый обогреватель, а единственной мечтой — вырваться.

Вырвался. Теперь у меня всё есть. А всё равно внутри сидит тот самый пацан из хрущёвки, которому отец кричит: «Без голов ты ноль».

Я подошёл к зеркалу в полный рост. Посмотрел на себя. Высокий, плечи широкие, ноги длинные — тело, заточенное под скорость и удар. Волосы после душа потемнели, но когда высохнут, снова станут пепельно-русыми. Я провёл ладонью по щетине. Два дня не брился — специально, потому что так я выгляжу старше. Солиднее. В двадцать четыре года мне часто дают тридцать, и меня это устраивает.

— Ты — топ, — сказал я отражению.

Отражение молчало. Сегодня это звучало как-то неубедительно.

Я оделся в домашнее и пошёл на кухню. Открыл холодильник, достал бутылку воды. Пить не хотелось, но нужно было чем-то занять руки.

Телефон снова ожил. Сообщение от Морозова:

«Завтра в 10:00. База, каб. 317. Не опаздывай. И ради бога, включи режим "человек", а не "звезда". Она этого не переваривает».

Я усмехнулся. Режим «человек». Знал бы Морозов, что я сам не всегда понимаю, где заканчивается Артём Березин — живой парень с мечтами и страхами — и начинается Березин А.С. — бомбардир, звезда соцсетей, обладатель лимитированных бутс в цветах «Зенита». Иногда мне кажется, что второго гораздо больше. Что я сам себя вытеснил на задворки собственной жизни, уступив место этому глянцевому, самоуверенному мужику, который всегда знает, что сказать, и никогда не показывает слабость.

Слабость. Я вспомнил, как дрожали колени в кабинете Черкасова. Как я сидел перед ним, как школьник перед директором, и ничего не мог сделать. Только хорохориться. Только язвить. Потому что если бы я не язвил — я бы, наверное, заплакал.

Нет. Я не плакал с десяти лет. С того самого дня, когда отец впервые ударил меня по лицу за пропущенный пенальти и сказал: «Слёзы — для баб. Ты мужик или кто?» С тех пор я не плакал ни разу. Даже когда ломал ногу. Даже когда хоронил деда. Даже когда Кира — первая девушка, которую я, кажется, почти любил, — швырнула мне в лицо: «Ты не человек, Артём. Ты функция».

Функция. Вот кем я был для неё. Вот кем я был для отца. Вот кем я был для всех.

Кроме, может быть, мамы. Но мама никогда не спорила с отцом.

Я допил воду и швырнул бутылку в урну. Мимо. Бутылка упала на пол, и я оставил её там. Не сегодня.

Глава 2. Аналитика

Тишина коридора давила на уши. Я стоял, привалившись спиной к холодной стене, и смотрел в одну точку.

Не взяли.

Меня — Артёма Березина, лучшего бомбардира «Зенита», человека, чьё имя скандировали трибуны, — не взяли в сборную. Это не просто провал. Это приговор.

Я оттолкнулся от стены и пошёл по коридору. Шаги гулко отдавались от кафельного пола. В административном крыле базы было пусто — все, кому положено, сидели по кабинетам, а футболисты после тренировки разбрелись кто куда. Я шагал широко, вразвалочку, хотя внутри всё кипело. Внешне — тот самый Березин, которого все знают: уверенный, наглый, с вечной ухмылкой. Внутри — пацан, которому только что сказали, что он недостаточно хорош.

Недостаточно хорош. Эта фраза звучала в моей голове голосом отца. Я мотнул головой, отгоняя наваждение. Нет. Это не отец. Это просто тренер сборной, который не разбирается в футболе. Или разбирается, но мыслит устаревшими категориями. Командная игра, тактика, взаимодействие — все эти слова придумали те, кто не умеет забивать. Я умею. Я делаю это лучше всех. И точка.

Но факт оставался фактом: Черкасов сказал «нет». И это «нет» перечёркивало всё, что я строил последние три года.

Я остановился у окна. За стеклом расстилался идеальный газон тренировочного поля — зелёный, стриженый, с безупречной разметкой. Там, на этом поле, я забивал голы, которые крутили в VK Видео и пересылали друг другу. Там я был королём. А здесь, в коридоре, я был никем.

Злость поднималась откуда-то из солнечного сплетения, горячая и знакомая. Я привык к ней. За двадцать четыре года она стала моим топливом. Когда отец кричал — я злился. Когда партнёры по команде не давали пас — я злился. Когда журналисты писали, что я эгоист — я злился и выдавал хет-трик. Злость работала. Злость делала меня лучшим.

Но сейчас злости было недостаточно. Потому что злиться на весь тренерский штаб сборной бессмысленно. Они приняли решение. И чтобы его изменить, нужен был другой подход.

Я вытащил из кармана джинсов визитку, которую сунул мне Морозов. Жданова. Дарья Жданова. Дочь легенды. Спортивный аналитик.

Достал телефон. Открыл ВКонтакте и забил её имя в поиске. Профиль был закрытым, но аватарка видна: чёрно-белое фото, строгий портрет в профиль. Даже на аватарке она выглядела так, будто собиралась кого-то уволить. Никаких селфи, никаких котиков, никаких цитат великих людей. Только имя, фамилия и подпись: «Данные не ошибаются. Люди ошибаются».

— Ну-ну, — пробормотал я.

Я закрыл приложение и убрал телефон. У меня был план. Не бог весть какой, но план. Я пойду к ней в кабинет и заставлю её посмотреть на мою игру. Не на цифры — на игру. Она увидит то, что видят все: что я — топ. И если у неё есть хоть капля влияния на тренерский штаб, она это влияние использует.

Морозов уже договорился с ней о встрече. Я вообще мало что знал в тот момент — нёсся на эмоциях, как разогнавшийся локомотив. И когда я сворачивал к её кабинету, я ещё не понимал, что эта женщина через несколько минут разберёт меня на запчасти и заставит усомниться в том, в чём я был уверен всю свою жизнь.

Кабинет 317.

Я стоял перед дверью и смотрел на табличку. «Д.А. Жданова. Аналитический отдел». Рядом — стикер с печатными буквами: «Без стука не входить. Без данных — тем более».

Я усмехнулся. Без данных. Сейчас я ей предоставлю данные. Самые наглядные.

Я постучал громко, три удара костяшками.

— Войдите.

Голос был именно таким, каким я его представлял: сухим, чётким, без единой лишней ноты. Ни приветливости, ни интереса. Просто разрешение войти, выданное с той же интонацией, с какой автомат выдаёт талончик в очередь.

Я нажал на ручку и шагнул внутрь.

Первое, что бросилось в глаза — порядок. Идеальный, почти стерильный. Никаких лишних вещей. Два больших монитора на столе, графики на стенах, стеллаж с папками, кофейный аппарат в углу. Всё расставлено так, чтобы было под рукой и не отвлекало. Словно здесь работал не человек, а машина.

За столом сидела она.

Я уже видел её фото на аватарке, но вживую она выглядела иначе. Фото не передавало той странной, почти пугающей собранности, которая исходила от неё. Она сидела с идеально прямой спиной — не напряжённой, а именно прямой, как будто позвоночник ей заменили стальным стержнем. Тёмные волосы, постриженные в каре до подбородка, лежали волосок к волоску. Ни одна прядь не выбивалась. Я невольно подумал, что она, наверное, каждое утро вымеряет длину линейкой.

Она была в очках — тонкая золотая оправа, стёкла без диоптрий. Для имиджа. Чтобы выглядеть старше. Строже. Чтобы мужчины в этом клубе не думали, что перед ними просто смазливая девчонка.

Но она не была «просто смазливой девчонкой». Она была красивой — это я отметил сразу, рефлекторно, как отмечал любую привлекательную женщину в радиусе десяти метров. Тонкие черты лица, высокие скулы, губы без помады, но чётко очерченные. И глаза тёмно-карие, почти чёрные. Они смотрели на меня сейчас, и в них не было ни грамма интереса. Вообще ничего. Как у человека, который смотрит на диаграмму.

— Березин, — сказала она. Не спросила — констатировала.

Я прошёл к её столу и сел на стул напротив. Широко, вальяжно, закинув ногу на ногу. Включил фирменный прищур — тот самый, от которого журналистки на пресс-конференциях начинали крутить волосы.

Она даже не моргнула.

— Вы пришли на день раньше, — произнесла она, откидываясь на спинку кресла. — Это уже характеризует вас как человека, который не уважает чужие границы.

— А вы, значит, уважаете? — Я обвёл взглядом кабинет. — Прячетесь здесь, в норе, с цифрами и графиками. А на поле-то выходили хоть раз? Или только по телевизору футбол смотрели?

— Я не смотрю футбол. Я его анализирую.

— Одно и то же.

— Нет, — она поправила очки средним пальцем, этот жест показался мне странно агрессивным. — Зритель смотрит и эмоционирует. Аналитик смотрит и считает. Разные виды деятельности. Разные отделы мозга.

— У вас, наверное, отдел эмоций вообще отсутствует?

Она проигнорировала выпад. Взяла со стола планшет, коснулась экрана. За моей спиной, на стене, засветился большой монитор — я и не заметил его, когда вошёл.

— Раз уж вы здесь, — сказала она. — Покажу вам то, что должна была показать завтра.

— А что, завтра у нас свидание?

Она подняла глаза. Медленно. Смотрела на меня секунду, другую, третью. Я чувствовал себя так, будто меня сканируют.

— У нас, Березин, совместная работа. Если вы переживёте сегодняшний разговор и не сбежите.

— Я никогда не сбегаю.

— Это мы тоже проверим.

Она снова коснулась планшета, и на большом экране появилась тепловая карта футбольного поля. Я сразу узнал схему: это был один из моих матчей. «Зенит» против «Спартака». Я тогда забил дважды и стал героем вечера.

— Вот ваша тепловая карта за последний тайм, — сказала она, поднимаясь из-за стола.

Я впервые увидел её в полный рост. Водолазка с горлом обтягивала стройную фигуру, юбка-карандаш доходила до колен, туфли на высоком каблуке добавляли ей сантиметров десять. Она была почти одного роста со мной — и это, чёрт возьми, впечатляло. Я привык смотреть на женщин сверху вниз. А эта стояла и смотрела мне прямо в глаза. И даже на каблуках держалась так, будто родилась в них.

— Оцениваете мой внешний вид? — спросила она, не оборачиваясь. — Или прикидываете, сколько я вешу?

— Прикидываю, — сказал я, не меняя позы. — И пока что цифры меня устраивают.

— А ваши цифры меня — нет.

Она подошла к экрану и провела пальцем по левому флангу. Там, где моё присутствие было обозначено ярко-красным пятном.

— Видите это? Красный цвет — зона максимальной активности. Вы перегружаете левый фланг. Фактически, вы проводите там шестьдесят семь процентов игрового времени.

— И что? Я же не в центре поля торчу. Я нападающий. Моя задача — быть там, где забивают.

— Ваша задача, — она обернулась, и я снова поймал этот взгляд холодный и безжалостный. — Забивать голы, да. Но посмотрите сюда.

Она выделила другой участок поля — штрафную соперника, центр.

— Вот здесь вы практически не появляетесь. А теперь посмотрите на ваших партнёров.

На экране появились другие тепловые карты — полузащитников и второго нападающего. Их зоны активности были более равномерными, но на их картах краснела та самая центральная зона, которую я игнорировал.

— Они создают моменты, а вы их не используете, потому что вас там нет. Вы ждёте мяч на фланге. Вы тянете одеяло на себя. И в результате эффективность всей команды падает.

— Команда победила в том матче, — напомнил я. — Два-один. Оба гола мои.

— Да. Команда победила. А теперь представьте, сколько бы она забила, если бы вы ещё и взаимодействовали с партнёрами.

Я сжал челюсти.

— Это всё теория. А на практике я забиваю.

— На практике, — она вернулась к столу и взяла планшет. — Вероятность вашего паса партнёру в штрафной составляет двенадцать процентов. Две-на-дцать. Это самый низкий показатель среди всех нападающих лиги. Даже защитники пасуют чаще.

— Я не защитник. Я завершитель.

— Вы обуза.

Слово повисло в воздухе. Я смотрел на неё и чувствовал, как внутри закипает та самая горячая волна. Сарказм — мой щит. Но сейчас он почему-то не включался.

— Что вы сказали?

— Обуза, — повторила она спокойно. — Человек, который тянет команду вниз. Ваши индивидуальные показатели впечатляют, но командные провальные. Вы забиваете голы, но вы же их и съедаете. Вы отнимаете моменты у тех, кто мог бы забить больше. Вы делаете игру предсказуемой. Когда вы на поле, защита соперника знает: паса не будет. Березин будет тащить сам. И они готовятся именно к этому.

Она говорила без эмоций. Как патологоанатом, описывающий причину смерти. И от этого было только хуже. Если бы она кричала, я бы ответил. Если бы она язвила, я бы переязвил. Но она просто излагала факты. И эти факты были правдой.

Часть меня знала это. Знала давно. Но я никогда не позволял этой части говорить вслух.

— Вы кто такая, чтобы меня судить? — вырвалось у меня. — Вы — аналитик. Вы сидите в кабинете и смотрите в экран. А я выхожу на поле. Я пашу. Я забиваю. Где были вы, когда я на последних минутах вырывал победу? Где были ваши цифры?

— Мои цифры были там же, где и всегда, — она поправила очки. — Они фиксировали вашу игру. И они говорят, что если бы вы не жадничали, победа была бы крупнее.

— Да плевать мне на крупнее! Победа есть победа!

— Это философия одиночки. А футбол — командный спорт.

Я вскочил со стула.

— Командный спорт, — процедил я. — А вы сами-то играли? Вы знаете, каково это — стоять перед воротами и знать, что от твоего удара зависит всё? Вы знаете, каково это — когда на тебя смотрят тридцать тысяч человек и ждут чуда?

Она молчала. Смотрела на меня. И впервые за весь разговор в её глазах мелькнуло что-то, похожее на эмоцию. Но я не понял, какую именно. Она не ответила на мой вопрос. Вместо этого она сказала:

— Я знаю, каково это — когда тело перестаёт слушаться.

Я не понял, что она имела в виду. И в тот момент мне было плевать.

— Знаете что, Жданова? — Я шагнул к двери. — Вы можете сколько угодно препарировать мою игру. Можете считать проценты и рисовать карты. Но пока вы сидите здесь, в этом стерильном кабинете, я буду на поле. И я буду забивать. А вы — смотреть.

Я схватился за ручку двери, но остановился. Оглянулся.

— И вот ещё что.

Она стояла у экрана — прямая, безупречная, с планшетом в руке. Идеальная статуя из льда и цифр.

— Проектор у вас — дерьмо. Картинка зернистая. Я бы на вашем месте поменял.

Я не знаю, зачем я это сказал. Наверное, чтобы последнее слово осталось за мной. Чтобы не чувствовать себя полным ничтожеством, которого только что размазали по стенке. Но вместо того чтобы выйти красиво, я выглядел как обиженный школьник.

Она ничего не ответила. Просто смотрела на меня — и в этом взгляде мне почудилась… нет, не жалость. Скорее, разочарование. Словно она ждала от меня большего.

Я хлопнул дверью так, что табличка с номером кабинета слетела. Пусть. Пусть висит криво. Пусть вообще отвалится. Мне плевать.

Шаги гулко застучали по коридору. Я шёл быстро, почти бежал. Сердце колотилось, в висках стучало. Никогда — никогда! — ни одна женщина не разговаривала со мной так. Ни тренеры, ни журналисты, ни бывшие девушки. Все они либо боялись меня, либо пытались понравиться. А эта… этой было плевать. Она просто вывалила на меня факты и смотрела, как я корчусь.

И самое паршивое — она была права.

Я не хотел это признавать. Я отталкивал эту мысль изо всех сил. Но правда липла ко мне, как грязь к бутсам после дождливого матча. Я действительно не пасую. Я действительно тащу одеяло на себя. И моя статистика — объективная, измеримая, проклятая статистика — говорит, что я обуза.

Обуза. Это слово жгло, как пощёчина. Никто не называл меня так. Никто не смел. А она сказала. Просто, буднично, как будто это было чем-то само собой разумеющимся.

Я вышел на улицу через запасной выход. Мне не хотелось никого видеть. Холодный воздух ударил в лицо, отрезвляя. Я глубоко вдохнул, потом ещё раз. Лёгкие наполнились морозной свежестью, но в голове всё равно был туман.

Я достал телефон. Открыл ВКонтакте — просто по привычке, чтобы занять руки. Лайки под последней записью перевалили за двадцать тысяч. Комментарии: «Красавчик», «Жги», «Ты лучший». Я смотрел на эти слова и чувствовал… пустоту. Раньше они заряжали меня. Раньше каждый лайк был как маленькая доза одобрения, в которой я нуждался больше, чем в воздухе. Сейчас они ничего не значили. Потому что одна-единственная женщина только что сказала мне правду. И эта правда была сильнее двадцати тысяч лайков.

— Твою мать, — прошептал я.

Морозов звонил четыре раза. Я не отвечал. Не хотел слышать его бубнёж о том, что нужно быть дипломатичнее, что Жданова — важный человек, что от неё зависит моё будущее. Я знал всё это. Но прямо сейчас мне нужно было просто перебеситься.

Я сел в машину и завёл мотор. Внедорожник заурчал, как сытый зверь. Я любил этот звук. Он возвращал мне чувство контроля. Когда я за рулём — я главный. Я решаю, куда ехать. Я решаю, с какой скоростью. Это единственное место, где я всегда был хозяином положения.

Я выехал с парковки базы и направился в город. Центр Петербурга встретил меня пробками и серым небом. Я ехал медленно, даже не думая о маршруте. Просто крутил руль, сворачивал в переулки, проезжал мимо набережных. В голове крутился разговор с Ждановой. Я прокручивал его снова и снова, как неудачный дубль в видео.

«Вы обуза».

«Вероятность вашего паса — двенадцать процентов».

«Вы тянете команду вниз».

Стерва. Ледяная, бесчувственная стерва. Но красивая. Я не мог этого не отметить, даже в своей злости. У неё была странная, холодная красота — как у дорогого ножа. Сразу видно: опасна. И руки… Я вспомнил, как она провела пальцем по экрану, показывая мою тепловую карту. Тонкие пальцы с коротким маникюром. Никаких колец. Никакой мишуры. Только эффективность.

Я тряхнул головой, отгоняя непрошеные мысли. Какого чёрта? Я думаю о её руках? О пальцах? Серьёзно, Березин?

Но образ уже засел в голове. Её прямая спина. Её губы, произносящие приговор. Её глаза, которые смотрели на меня без тени эмоций. Я пытался вспомнить, была ли в её взгляде хоть искра интереса, когда я вошёл. Хоть что-то, что выдавало бы в ней живого человека, а не ходячий калькулятор.

Ничего.

И это бесило больше всего. Я привык, что женщины реагируют на меня: кто-то смущается, кто-то кокетничает, кто-то злится , но реагируют всегда. А Жданова смотрела на меня так, будто я был одним из её графиков. Просто набор данных. Две ноги, две руки, двенадцать процентов пасов.

Я свернул на набережную и остановился у парапета. Выключил мотор. Вышел из машины. Ветер с Невы ударил в лицо, пробирая до костей, но я не уходил. Холод помогал думать. Или, наоборот, не думать.

Передо мной расстилалась серая вода, утыканная точками катеров. Чайки орали над головой. Красиво. Но меня не трогало.

Я думал о том, что сказала Жданова. И о том, чего она не сказала. Когда я спросил, играла ли она сама, знает ли, каково стоять перед воротами, она не ответила. Вместо этого она сказала странную фразу: «Я знаю, каково это — когда тело перестаёт слушаться».

Что это значило? Она говорила о травме? О болезни? Или о чём-то другом?

Я поймал себя на том, что мне интересно. Что я хочу узнать больше. И это чувств— любопытство, смешанное с чем-то ещё, разозлило меня сильнее, чем её слова. Мне не должно быть интересно. Она — враг. Она — препятствие на пути к сборной. Или, наоборот, единственный шанс туда попасть?

Я залез обратно в машину и достал телефон. Морозов прислал сообщение:

«Ну что, поговорил?»

Я набрал ответ:

«Поговорил. Она меня ненавидит».

Ответ пришёл мгновенно:

«Это нормально. Она всех ненавидит. Что решил?»

Я помедлил. Пальцы зависли над экраном. Что я решил? Что я мог решить после такого разговора? Либо послать всё к чёрту и продолжать играть так, как я играл всегда, надеясь, что меня заметят и без её помощи. Либо…

Либо принять её условия. Согласиться на тренировки. Терпеть её холодные взгляды и унизительные цифры. Ради одной цели: сборная.

Я стиснул зубы.

«Завтра в девять утра. Малый манеж».

Морозов ответил смайликом. Я швырнул телефон на пассажирское сиденье.

Ладно. Я ей покажу, кто я. Кто я без всего этого блеска. Я — тот же Артём Березин. Только злее. И теперь у меня есть цель.

Я завёл мотор и рванул с места, поднимая веер брызг.

Дома меня встретила тишина. Я скинул кроссовки, не глядя бросил бомбер на кресло и прошёл в гостиную. Пентхаус был огромным и пустым. Я купил его два года назад, когда подписал контракт с «Зенитом», и до сих пор не привык к размерам. Триста квадратов для одного человека — это чересчур. Но мне нравилось, что я могу ходить из комнаты в комнату и никого не встречать. Никто не орёт, не критикует, не говорит, что я недостаточно хорош.

Я подошёл к панорамному окну. Город лежал внизу, мерцая огнями. Мой город. Мой вид. Моя жизнь. А внутри — пустота.

Я включил музыку. Что-то тяжёлое, с гитарными риффами. Звук заполнил комнату, вытесняя тишину. Я стоял и смотрел на закат, чувствуя, как ярость постепенно уходит, оставляя после себя усталость.

Телефон снова зажужжал. На этот раз это был не Морозов. Кира.

Я уставился на экран. Кира Соболева — спортивная журналистка, можно сказать моя бывшая. Та самая, которая сказала мне перед уходом: «Ты не человек, Артём. Ты функция». Мы расстались пол года назад, но она до сих пор периодически всплывала в моей жизни — то интервью возьмёт, то статью напишет. И всегда с подтекстом. Она умела жалить словами не хуже Ждановой. Но в отличие от Ждановой, Кира хотя бы улыбалась при этом.

«Слышала про сборную. Сочувствую. Хочешь поговорить?»

Я усмехнулся. Сочувствует она. Знаю я её сочувствие. Ей нужен эксклюзив. Первое интервью провалившегося бомбардира. Заголовок: «Березин: почему меня не взяли в сборную». Тысячи просмотров на Ютубе. Миллионы переходов.

Я набрал короткое: «Спасибо, как-нибудь в другой раз» — и заблокировал телефон.

Но мысли о Кире вернули меня к Ждановой. Странно: две такие разные женщины, а чем-то похожи. Обе умные. Обе острые на язык. Только Кира играла со мной, как кошка с мышкой, а Жданова просто ставила диагноз. Первое было весело. Второе — нет.

Я лёг на диван и уставился в потолок. Перед глазами снова встала она: прямая, в этой своей водолазке и обтягивающей юбке, с планшетом в руке. И каблуки. Чёрт, эти каблуки. Зачем она носит их на работу? Там же нет подиума. Там графики и цифры. Но она носит. И это что-то говорило о ней. Что-то, что я пока не мог понять.

Я представил, как она идёт по коридору быстрым, чётким шагом, цокая каблуками. Мужчины оборачиваются. Она не замечает. Или замечает, но ей плевать. Она выше этого. В буквальном смысле — на каблуках она одного роста со мной. И когда она смотрела мне в глаза, я не чувствовал привычного превосходства. Я чувствовал… равенство?

Нет. Не равенство. Она смотрела на меня сверху вниз. С высоты своих данных. И это было невыносимо.

Я поймал себя на том, что снова думаю о ней. И это начинало раздражать. Я встал, пошёл на кухню, открыл холодильник. Достал бутылку воды. Пить не хотелось, но нужно было занять руки.

«Обуза».

Я скрутил крышку и швырнул бутылку в урну. На этот раз попал.

Ладно, Жданова. Ты хочешь посмотреть, кто я? Ты хочешь увидеть меня настоящего? Хорошо. Я покажу тебе. Только потом не жалуйся.

Следующее утро началось с будильника. Я встал в шесть, хотя тренировка была в девять. Не мог спать. Всю ночь ворочался, прокручивая в голове предстоящую встречу. Как она будет на меня смотреть? Что скажет? Какие ещё унизительные цифры вытащит на свет?

Я надел спортивный костюм, взял сумку с обычными бутсами — не фирменными сине-белыми, а простыми чёрными, которые носил на тренировках в клубе — и вышел.

База встретила меня тишиной. Раннее утро, ещё даже солнце не до конца поднялось над горизонтом. Я приехал за сорок минут до назначенного времени. Привычка. Я всегда прихожу первым.

Малый манеж был пуст. Только свет горел в дальнем конце поля — там, где стояла одинокая фигура. Я сразу узнал её. Жданова. Она пришла ещё раньше меня.

Вот же… Я выругался про себя. Она что, вообще не спит?

Я подошёл. Она стояла у кромки поля с планшетом в руках и смотрела на разметку. Сегодня она была без юбки — в спортивных брюках и лёгкой ветровке. Но каблуки остались. На футбольном поле, на газоне, она стояла на каблуках. Это было настолько абсурдно и настолько в её стиле, что я невольно усмехнулся.

— Доброе утро, аналитик, — сказал я, бросая сумку на скамейку.

Она подняла глаза.

— Вы на семь минут раньше. Это хорошо.

— А вы на сколько?

— На двадцать.

— Вам что, дома не спится?

— Мне лучше работается, когда вокруг тишина, — она кивнула на поле. — Разминайтесь. Десять кругов.

— Опять десять?

— Пятнадцать. Вчера вы нервничали, пульс был повышен, а это дополнительная нагрузка на сердце. Нужно разогнать кровь.

— Вы и пульс мой замерили?

— Он был написан у вас на лице.

Я покачал головой и пошёл переодеваться. В раздевалке стянул спортивный костюм, натянул тренировочную форму. Обычную. Без лейблов, без лимитированных серий. Просто чёрные шорты и футболка. И бутсы — старые, разношенные, без блеска.

Я посмотрел на себя в зеркало. Без всего этого я выглядел иначе. Обычный парень. Высокий, плечистый, но обычный. Не звезда. Не топ. Просто Артём.

— Ну что, Березин, — сказал я отражению. — Погнали.

Отражение не ответило. Но впервые за долгое время мне показалось, что в его глазах есть что-то кроме бравады.

Я вышел на поле. Жданова стояла с секундомером в руке.

— Пятнадцать кругов, — напомнила она. — В среднем темпе. Потом перейдём к упражнениям.

Я кивнул и побежал. Первый круг, второй, третий. В голове стучала одна мысль: «Кто ты без бутс, Березин?» Я бежал и думал об этом. О том, что все эти годы я строил образ яркий, блестящий, неуязвимый. Я прятался за ним, как за щитом. А теперь эта женщина заставляла меня снять щит.

Четвёртый круг. Пятый. Я дышал ровно, тело работало как часы. Но внутри что-то происходило. Что-то, чего я не ожидал.

Когда я пробегал мимо неё на восьмом круге, она не смотрела на меня. Она смотрела в планшет. И от этого — от того, что она не следила за мной, не оценивала, мне стало странно легко. Словно я мог просто бежать. Не для кого-то. Для себя.

На двенадцатом круге я понял: она специально не смотрит. Даёт мне пространство. Чтобы я перестал играть. Чтобы я наконец просто был собой.

А она умнее, чем кажется.

На пятнадцатом круге я остановился. Дыхание было глубоким, но ровным. Пот катился по вискам, но это был приятный пот — пот работы, а не стресса.

— Закончил, — сказал я, подходя к ней.

— Вижу, — Она подняла глаза. — Пульс?

— Не мерил.

— Примерно сто двадцать. Хорошо.

Она отложила планшет и взяла мяч.

— Теперь работа с мячом. Я буду давать вам пас, вы — обрабатывать и бить по воротам. Но с одним условием.

— Каким?

— Перед ударом вы должны посмотреть на меня.

— Зачем?

— Чтобы убедиться, что я не даю вам другой сигнал.

— Какой ещё сигнал?

— Пас, — сказала она. — Я могу поднять руку. Это будет означать, что вы должны отдать пас воображаемому партнёру. Вон туда, — она указала на пустой угол поля. — Там никого нет, но вы должны представить, что там есть игрок. И отдать пас.

— Это глупо.

— Это тренировка принятия решений. Вы привыкли действовать на автомате: получил мяч — пробил. Но в реальной игре ситуация меняется каждую секунду. Вы должны научиться сканировать поле перед ударом. Смотреть, есть ли партнёр в лучшей позиции.

— Я и так смотрю.

— Нет. Вы смотрите только на ворота.

Я сжал зубы, но спорить не стал. Она права.

— Ладно. Давайте ваш мяч.

Она встала в центр поля. Я — на линии штрафной. Первый пас — точный, низом, прямо мне в ноги. Я обработал, замахнулся, но перед ударом, как условились, глянул на неё. Она стояла с опущенными руками. Я пробил. Мяч вонзился в сетку.

— Хорошо, — сказала она. — Но вы смотрели на меня слишком долго. В реальной игре вас бы накрыли. Быстрее.

Второй пас. Я снова глянул — её рука была поднята. Пас. Я должен отдать пас.

Я затормозил на долю секунды. Всё внутри меня кричало: «Бей! Ты же на ударной позиции!» Но я сдержался. Развернулся и отправил мяч в пустоту. Туда, где должен был быть партнёр.

— Отлично, — в её голосе впервые прозвучало что-то, отдалённо похожее на одобрение. — Ещё.

Мы работали час. Она гоняла меня по полю, меняла условия, заставляла принимать решения за доли секунды. Иногда я ошибался — бил, когда нужно было пасовать, или наоборот. Она не ругала. Просто говорила: «Ещё раз». И я делал ещё раз. И ещё.

К концу тренировки я был вымотан не столько физически, сколько ментально. Но внутри, глубоко, зарождалось странное чувство. Азарт. Не тот, который я испытывал, когда забивал гол. Другой. Я как будто учился играть заново.

— На сегодня всё, — сказала она, убирая планшет. — Завтра в то же время.

— Завтра? — Я вытер пот со лба. — А вы не хотите сначала проанализировать сегодняшнюю тренировку?

— Уже проанализировала.

— И?

— Вы делаете успехи. Но до сборной вам ещё далеко.

Я усмехнулся.

— А вы, Жданова, умеете вдохновлять.

— Я не вдохновляю. Я констатирую.

Она развернулась и пошла к выходу с поля. Её каблуки оставляли маленькие дырочки в газоне. Я смотрел ей вслед и думал, что эта женщина самая раздражающая, самая бесячая, самая невыносимая особа из всех, кого я встречал.

И при этом самая интересная.

Я подобрал мяч и пошёл в раздевалку. В голове крутились обрывки тренировки. Поднятая рука. Пас в пустоту. «Быстрее, Березин. Ещё раз». Её голос звучал у меня в ушах.

Я встал под душ, и горячая вода смыла пот и усталость. Но мысли о ней — не смыла.

Впервые в жизни я встретил женщину, которой было на меня плевать. Не на мои голы, не на мой счёт в банке, не на мою внешность. На меня. И это было… обескураживающе. И притягательно.

Я выключил воду и посмотрел на своё отражение в запотевшем зеркале.

— Ты влип, Березин, — сказал я вслух.

Отражение молчало. Но, кажется, было согласно.

Я готовился к следующей встрече тщательнее, чем к финалу Кубка.

Белая футболка — облегающая, тонкий хлопок, который обрисовывал каждый контур грудных мышц и пресса. Не настолько прозрачная, чтобы это выглядело пошло, но достаточно, чтобы всё было видно. Брюки — светлые, зауженные, подчёркивающие бёдра и задницу. Никаких мешковатых треников, в которых я обычно приходил на разборы. Сегодня я шёл не тренироваться — я шёл соблазнять.

Я стоял перед зеркалом в прихожей и разглядывал себя. Высокий, широкоплечий, с рельефом, который обычно прятался под спортивными кофтами. Я провёл ладонью по прессу — кубики были на месте, все восемь. Косая мышца — та самая, которую я специально качал для эстетики, — красиво уходила под ремень брюк. Всё как надо.

— Она не устоит, — сказал я отражению. — Ни одна не устояла.

Отражение ухмыльнулось. Ямочка на правой щеке проявилась автоматически. Я поправил воротник — хотя на футболке не было воротника, — просто привычка, — и вышел.

В кабинет 317 я постучал ровно в десять утра. Как договаривались. Она сама назначила это время для очередного разбора моих «ошибок».

— Войдите.

Голос — как обычно, сухой, чёткий, без интонаций. Я толкнул дверь и вошёл.

Она сидела за столом, склонившись над планшетом. Водолазка сегодня была серая, почти серебристая, и на её фоне тёмные волосы казались ещё темнее. Очки в золотой оправе. Прямая спина. Никаких украшений, кроме тонкой цепочки, исчезающей под воротником.

Я не стал садиться сразу. Прошёлся по кабинету — медленно, давая ей возможность рассмотреть меня со всех сторон. Она подняла глаза — мельком, — и снова уткнулась в планшет. Но я заметил, как её взгляд на долю секунды задержался на моей груди. Заметил. Значит, не совсем каменная.

— Присаживайтесь, Березин, — сказала она, не отрываясь от экрана. — У меня мало времени.

— У меня тоже, — я опустился на стул напротив неё, но не откинулся на спинку, как обычно, а сел прямо, чуть наклонившись вперёд. Так, чтобы свет из окна падал на плечи и подчёркивал рельеф. Футболка натянулась на груди, обрисовав мышцы. Я положил руки на стол, сцепил пальцы в замок и посмотрел на неё. Пристально. С прищуром. Но без наглости — скорее, с заинтересованностью.

Она наконец подняла глаза. Посмотрела на меня. Потом на мою футболку. Потом на брюки. Потом снова в глаза.

— Вы сегодня иначе одеты, — заметила она.

— Решил немного разнообразить гардероб. — Я чуть повёл плечами, заставляя мышцы перекатиться под тканью. — А что, не нравится?

— Я не оцениваю ваш гардероб. Я оцениваю вашу игру.

— А что, если я хочу, чтобы вы оценили и то, и другое?

Она отложила стилус. Медленно. Сняла очки. Посмотрела на меня — теперь без стёкол её тёмные глаза казались ещё более глубокими.

— Березин, к чему этот спектакль?

— Какой спектакль? — я невинно развёл руками. — Я просто предлагаю совместить приятное с полезным.

— Что вы имеете в виду?

Я наклонился ещё ближе. Теперь между нашими лицами было сантиметров тридцать. Я чувствовал запах её духов — цитрус с горькой нотой, — и этот запах ударил мне в голову сильнее любого алкоголя.

— Ужин, — сказал я, понижая голос до того самого вибрирующего тембра, который обычно работал безотказно. — Свечи. Хорошее вино. Обсудим мою... проникающую способность.

Последнее слово я произнёс медленно, почти по слогам, глядя ей прямо в глаза. И ждал.

Она не покраснела. Не отшатнулась. Не начала поправлять волосы или одёргивать водолазку. Вместо этого она взяла со стола ручку — обычную шариковую ручку, — покрутила её в пальцах и отложила. Потом посмотрела на меня. Долго. Секунд пять.

— Березин, — произнесла она, и её голос был абсолютно ровным, — ваш внешний вид сейчас на девяносто два процента эффективен для соблазнения среднестатистической модели.

Я ухмыльнулся. Начинается.

— Но, — продолжила она, и от этого «но» у меня внутри что-то ёкнуло, — кубики пресса не компенсируют отсутствие паса. Я на работе. Вы тоже. Поэтому уберите, пожалуйста, свои грудные мышцы со стола и давайте вернёмся к вашей тепловой карте.

Я замер. Грудные мышцы со стола? Я не клал грудные мышцы на стол. Я просто наклонился. Но она сказала это так, будто мои мышцы были отдельными существами, которые я могу убрать по команде.

— Вы издеваетесь? — спросил я.

— Ничуть. — Она надела очки и снова взяла стилус. — Вы пытаетесь использовать свою внешность как инструмент манипуляции. Это предсказуемо. Это банально. И, честно говоря, скучно.

— Скучно? — Я откинулся на спинку стула. — Вам скучно на меня смотреть?

— Мне скучно смотреть на то, как вы повторяете одни и те же приёмы. Вы же умнее, Березин. Я знаю, что умнее. Но почему-то вы продолжаете играть самую примитивную роль.

Она снова уткнулась в планшет. Как будто разговор был окончен. Как будто я не сидел перед ней в облегающей футболке, не демонстрировал ей пресс, не предлагал ужин при свечах. Как будто я был пустым местом.

Внутри у меня всё кипело. Ярость. Унижение. И — да, чёрт возьми, — восхищение. Она была единственной женщиной в моей жизни, которая не купилась. Единственной, кто смотрел на меня и видел не мужчину, а... проблему.

Я встал. Подошёл к окну. Посмотрел на тренировочное поле, залитое солнцем. Потом обернулся.

— Значит, моё тело — не валюта? — спросил я.

Она подняла глаза от планшета.

— Ваше тело — это инструмент. Как мяч. Как бутсы. Инструмент, который вы используете, чтобы забивать голы. И если вы будете использовать его правильно — и на поле, и за его пределами, — вы добьётесь большего. Но не со мной.

— А с кем?

— С теми, кому это важно. А мне важно, чтобы вы научились пасовать.

Я усмехнулся. Горько. И впервые — не ей, а себе.

— Вы невыносимы, Жданова.

— Я знаю. Но я права.

— Поэтому вы ещё более невыносимы.

Она чуть улыбнулась — одними уголками губ. И от этой микроскопической улыбки у меня внутри всё перевернулось.

— Садитесь, Березин, — сказала она. — Показываю тепловую карту.

Я сел. И следующие полчаса слушал её лекцию, не перебивая. А сам думал о том, что впервые в жизни встретил женщину, для которой моё тело — просто набор рычагов. И это бесило. И одновременно — заводило до чёртиков.

Потому что теперь мне нужно было найти другой способ. Не через мышцы. Не через ямочку. Через что-то, чего я пока не знал.

Но я найду. Обязательно найду.

Глава 3. Ультиматум

После той тренировки я не мог уснуть до трёх ночи.

Лежал в своей огромной кровати, смотрел в потолок и прокручивал в голове каждую секунду нашего разговора. Она проанализировала мой пресс. Мой пресс, чёрт возьми. Как медицинский справочник. «Симметрия прямая мышца живота — без отклонений». Кто вообще так говорит?

Я перевернулся на бок, скомкал подушку. Злость душила. Не на неё — на себя. Потому что я, Артём Березин, который мог уложить женщину в постель одним взглядом, сейчас выглядел как щенок, тыкающийся носом в закрытую дверь. Она не просто не купилась — она разобрала мои приёмы на атомы и выставила счёт за обучение.

«Вероятность того, что я соглашусь на ваше предложение, — ноль целых ноль десятых процента».

Я сел на кровати. Сна не было ни в одном глазу. За окном мерцал ночной Петербург — мой город, моя крепость. Но сегодня даже он не давал привычного чувства превосходства.

Телефон завибрировал на тумбочке. Я глянул на экран. Морозов. В полвторого ночи. Это могло означать только одно: случилось что-то серьёзное. Мой агент никогда не звонил просто поболтать.

— Да, — ответил я, прижимая телефон к уху.

— Не спишь? Отлично. Завтра в десять утра. Кабинет президента клуба. Явка обязательна.

— Что за срочность?

— Ультиматум, — сказал Морозов, и по его голосу я понял: дело дрянь. — Приедут Звонарёв, Черкасов и ещё пара людей из совета директоров. Будут говорить о твоём будущем. И это будущее, Артём, целиком зависит от одной женщины.

— Жданова? — Я сжал телефон так, что корпус хрустнул.

— Она самая. Её отчёты легли на стол президента. И судя по тому, что мне удалось узнать... — он сделал паузу, — она не пощадила ни одной цифры.

— Что именно она написала?

— Увидишь завтра. Я просто предупредил. Будь готов.

Он отключился. Я швырнул телефон на кровать и снова уставился в потолок.

Значит, Жданова передала данные наверх. Решила добить меня. Уничтожить не только морально, но и карьерно. Хотя... Я закрыл глаза и попытался думать рационально. Зачем ей это? Если бы она хотела меня убрать, она бы просто отказалась работать. Президент не стал бы настаивать. Но она согласилась. Тренировала меня. Значит, у неё другой план.

Какой?

Я не знал. И это бесило больше всего.

Утро встретило меня серым небом и моросящим дождём. Петербургская погода идеально соответствовала настроению: промозгло, холодно, никакого просвета. Я стоял перед зеркалом в прихожей и поправлял воротник-стойку. Сегодня я оделся иначе: тёмные джинсы, белая рубашка, классический пиджак. Никаких бомберов, никаких ярких кроссовок. Если меня собираются судить, пусть видят серьёзного человека, а не инфлюенсера.

Отражение смотрело на меня с привычным прищуром, но я заметил кое-что новое. Мешки под глазами. Лёгкая краснота белков. Следы бессонной ночи.

— Выглядишь как дерьмо, — сказал я отражению. — Но всё ещё лучше остальных.

Ритуал. Мой якорь. Сегодня он был нужен как никогда.

Я вышел из квартиры, сел в машину.

Зеркало заднего вида. Свет падает слева. Хороший свет. Редкий. Поднимаю телефон. Камера. Фронталка.

Поворачиваю голову на пол-оборота. Ловлю ракурс. Ямочка — есть. Прищур — есть. Мышцы шеи напрячь. Чуть опустить подбородок. Не смотреть в объектив. Смотреть сквозь.

Щёлк.

Проверяю кадр. Нормально. Фон — кожаный салон, руль, край окна. Небо серое. Питер.

Фильтр. Контраст. Чуть тепла. Резкость на глаза.

Подпись. Думаю. Пальцы набирают: «Тишина перед бурей. #Березин #утро #готовность».

Публикую.

Жду. Двигатель урчит. Телефон в руке. Экран не гаснет.

Минута. 120 лайков.Три минуты. 540.Пять минут. 7 002.

Комментарии: «Удачи, красавчик», «Ждём голов», «Где бутсы?».

Отвечаю на последний: «Будут. Всё будет».

Обновляю. 11 347.

Нормально. Убираю телефон в держатель. Смотрю на дорогу. Выезжаю.

Дворники мерно скрипели по лобовому стеклу, размазывая дождевую воду. Я смотрел на дорогу и думал о том, что ждёт меня в кабинете президента.

Звонарёв. Я знал его. Жёсткий мужик за шестьдесят, бывший игрок, строивший свою империю с нуля. Он не терпел звёздной болезни и не раз говорил, что футболист — это расходный материал. Если ты не приносишь результат — тебя заменяют. Просто, как счёт на табло.

Черкасов. Тот самый, что не взял меня в сборную. Если он будет в кабинете, значит, разговор пойдёт не только о клубе, но и о моей международной карьере.

И Морозов. Мой агент. Мой, мать его, союзник — хотя после вчерашнего звонка я уже ни в чём не был уверен.

Я припарковался у административного корпуса. Вышел под дождь, не раскрывая зонта. Капли тут же застучали по плечам, но мне было плевать. Холод отрезвлял.

Внутри меня встретила тишина. Никто не бегал по коридорам, не хлопал дверями раздевалок. Административное крыло жило своей отдельной жизнью — тихой, бумажной, полной интриг. Я шагал по коридору, и мои шаги гулко отдавались от стен.

Кабинет президента находился на третьем этаже. Дубовая дверь, массивная, с золотой табличкой. Я остановился перед ней и глубоко вдохнул.

«Ты — топ. Они — расходный материал».

Я толкнул дверь.

В кабинете было светло и просторно. Панорамные окна выходили на тренировочные поля, но сейчас все жалюзи были задёрнуты — намёк на то, что разговор будет закрытым. У дальней стены стоял массивный стол красного дерева. За ним сидел Звонарёв — грузный, лысоватый, с цепким взглядом из-под кустистых бровей. Слева от него — Черкасов. Справа — Морозов. И ещё пара человек, которых я не знал — наверное, из совета директоров.

Но её здесь не было. Ждановой. Я ожидал, что она будет сидеть с краю, сжимая свой чёртов планшет, но её кресло пустовало. Это было и облегчение, и разочарование одновременно.

— Березин, — Звонарёв кивнул на стул напротив. — Садись.

Я сел. Закинул ногу на ногу, откинулся на спинку. Внешне — сама невозмутимость. Внутри — сжатая пружина.

— Кофе? — спросил Звонарёв.

— Нет, спасибо.

— Тогда к делу. — Он взял со стола папку, раскрыл. — Это отчёт аналитического отдела. Составлен по итогам двух последних сезонов. Автор — Дарья Жданова.

Я сжал зубы, но промолчал.

— Здесь, — Звонарёв постучал пальцем по бумагам, — всё. Твоя тепловая карта. Процент пасов. Статистика по отборам. Показатели командного взаимодействия. И знаешь, что я вижу?

— Предположу, ничего хорошего.

— Ничего хорошего, — подтвердил он. — Ты лучший бомбардир лиги. Двадцать семь голов за сезон. Это феноменальный результат. Но при этом ты — самый неудобный игрок для собственной команды. Ты не пасуешь. Ты не отрабатываешь в обороне. Ты создаёшь конфликты на поле. Ты токсичен для партнёров.

— Я забиваю, — сказал я. — Это моя работа.

— Твоя работа, — вступил Черкасов, — играть в команде. А команда — это не один человек. Это одиннадцать. И если десять из них страдают из-за тебя, цена твоим голам — ноль.

Ноль. Опять это слово. Я почувствовал, как внутри закипает знакомая горячая волна.

— Я не согласен с такой оценкой.

— А твоего согласия никто не спрашивает, — отрезал Звонарёв. — Мы собрались здесь, чтобы поставить тебя перед фактом. Либо ты меняешь стиль игры и начинаешь активно работать с аналитическим отделом, либо...

Он сделал паузу. Я знал, что сейчас будет. Знал — и всё равно не был готов.

— Либо ты садишься на скамейку запасных. До конца контракта.

Тишина. Слышно было, как дождь стучит по стеклу за жалюзи. Я смотрел на Звонарёва и чувствовал, как сжимается горло. Скамейка запасных. Для меня — для лучшего бомбардира, для человека, который жил голами, — это было хуже любого наказания. Это была смерть.

— Вы не можете так поступить, — сказал я глухо. — Мой контракт...

— Контракт позволяет клубу отстранить игрока от матчей при нарушении спортивного режима или несоответствии командным требованиям, — вставил один из директоров. — Пункт семь дробь четыре. Мы проверили.

Конечно, проверили. Они подготовились. Всё было продумано задолго до этой встречи.

Я перевёл взгляд на Морозова. Он сидел с каменным лицом, но я видел, как напряжены его плечи. Агент, который всегда знал, что делать, сейчас молчал. И это пугало.

— Я хочу услышать, — сказал я медленно, — от кого именно исходила эта инициатива.

— Это коллективное решение, — ответил Звонарёв.

— Но базируется оно на данных аналитического отдела. Данных Ждановой.

— Верно.

Я кивнул. Значит, это её рук дело. Она передала данные, она расписала мои недостатки, она убедила руководство, что я — обуза. Она загнала меня в угол.

«Ну что ж, Жданова. Ты хотела войны? Ты её получила».

— У меня есть время подумать? — спросил я.

— До завтра. — Звонарёв захлопнул папку. — Но я бы на твоём месте не раздумывал. Это не наказание, Березин. Это шанс. Жданова — гений. Если ты поработаешь с ней, ты выйдешь на новый уровень. А если нет... — он развёл руками. — Ты сам знаешь.

Я поднялся. Медленно, чтобы не показать, как дрожат колени.

— Я дам ответ завтра.

— Ждём.

Я вышел из кабинета. Закрыл за собой дверь. Прислонился спиной к стене. Сердце колотилось так, будто я только что отыграл финальный матч и пробил решающий пенальти. Только это был не пенальти. Это был расстрел.

Меня отстраняют. Меня — звезду, бомбардира, лицо клуба — сажают на скамейку. И всё из-за её цифр. Из-за её чёртовых графиков.

Я сжал кулаки. Ярость застилала глаза. Но где-то глубоко, под слоем гнева, я понимал: она права. Её цифры не врут. Я действительно эгоист. Я действительно не пасую. Но признать это — значило признать, что вся моя карьера была ошибкой. Что отец был прав.

«Без голов ты ноль».

Нет. Я не ноль. Я докажу это. Я соглашусь на их условия. Я буду работать с ней. Но не для того, чтобы измениться. А для того, чтобы уничтожить её. Морально. Так же, как она уничтожила меня своими отчётами.

Я оттолкнулся от стены и пошёл к выходу. В кармане завибрировал телефон. Сообщение от Морозова.

«Артём, выйди на связь, когда остынешь. Есть важная информация».

Я набрал короткое: «Говори сейчас».

Ответ пришёл через минуту.

«В сборной остались незанятыми два места. Одно — в нападении. Тренерский штаб рассматривает кандидатов. Тебя ждут, но нужно показать, что ты изменился. Прояви себя. Это твой последний шанс».

Я перечитал сообщение дважды. Два места. Одно — моё. Если я докажу, что могу играть в команде. Если Жданова даст положительный отчёт. Если...

Слишком много «если».

Я убрал телефон и толкнул дверь на улицу. Дождь усилился. Холодные струи хлестали по лицу, по пиджаку, затекали за воротник. Но я не ускорял шаг. Я шёл медленно, глядя под ноги, и думал.

Значит, два места. Морозов говорит, что меня ждут. Но чтобы попасть туда, нужно пройти через Жданову. Через её тренировки, её графики, её ледяные взгляды. Нужно стать «удобным». Нужно научиться пасовать.

Я усмехнулся. Забавно. Всю жизнь я считал, что пас — это для слабаков. Для тех, кто не может забить сам. А теперь выясняется, что без паса я — никто.

Я сел в машину. Завёл мотор. Внедорожник заурчал, и этот звук вернул мне толику спокойствия. Мощность. Контроль. Я всё ещё за рулём. Я всё ещё принимаю решения.

Ладно. Я приму их ультиматум. Но на своих условиях.

Я буду работать с Ждановой. Даже больше — я сделаю всё, чтобы она поверила, что я изменился. Я буду пасовать, отрабатывать в обороне, улыбаться партнёрам. Я стану идеальным учеником.

А параллельно — я найду её слабое место. То, что она прячет за своими цифрами и очками. То, что заставляет её носить каблуки и никогда не снимать водолазку. У каждого есть уязвимость. У каждого есть трещина в броне. И когда я найду её — я ударю.

«Ты хотела поиграть в войну, аналитик? Давай поиграем».

Я нажал на газ и выехал с парковки. Дождь барабанил по крыше, дворники мелькали перед глазами. Впереди был долгий день, а за ним — ещё более долгий путь к сборной.

Но я пройду его. Чего бы это ни стоило.

Вечером я сидел в своей квартире и составлял план. Настоящий, тактический, как перед важным матчем.

Пункт первый: согласиться на условия. Без возражений, без сарказма. Пусть думают, что я сломлен и готов подчиняться.

Пункт второй: завоевать доверие Ждановой. Она умна, но у каждого ума есть слепое пятно. Нужно найти его.

Пункт третий: параллельно работать над своей игрой. Если я действительно улучшу пас — это не ослабит меня, а усилит. Двадцать семь голов плюс голевые передачи — такого в лиге ещё не было.

Пункт четвёртый: сборная. Два места. Одно — моё. Нужно, чтобы к моменту следующего просмотра Жданова дала положительный отчёт. А для этого она должна поверить, что я изменился.

Я откинулся на спинку кресла и посмотрел на экран телефона. Там, в сохранённых сообщениях, висела та самая переписка с Морозовым. И ещё кое-что. Я открыл ВКонтакте и нашёл профиль Ждановой. Закрытый, как и в прошлый раз. Только аватарка — чёрно-белый портрет. И подпись: «Данные не ошибаются. Люди ошибаются».

— Ошибаются, значит, — пробормотал я. — Ну давай, аналитик. Посмотрим, кто ошибётся первым.

Я набрал сообщение Морозову:

«Я согласен. Завтра подписываю всё, что нужно. Но пусть знают: я делаю это ради сборной, а не ради их красивых глаз».

Ответ пришёл мгновенно:

«Мудрое решение. Я договорюсь о встрече с Ждановой на завтра. Будь дипломатичен».

Дипломатичен. Я усмехнулся. Это будет самая дипломатичная война в истории футбола.

Я встал, подошёл к зеркалу. Посмотрел на себя. Тёмные круги под глазами никуда не делись, но взгляд стал другим. Собранным. Хищным.

— Ты справишься, — сказал я отражению. — Ты — топ. А она — просто эпизод.

Отражение ухмыльнулось. И в этот раз я ему верил.

На следующее утро я приехал на базу раньше обычного. В половине восьмого парковка была ещё пуста, только несколько машин персонала сиротливо мокли под дождём. Я заглушил мотор, но из машины выходить не спешил.

В голове крутился вчерашний разговор. Звонарёв, Черкасов, директора — все они смотрели на меня как на проблему. Как на токсичный актив, от которого нельзя избавиться, но и использовать по-старому уже невозможно. И только Морозов — мой чёртов агент, который должен был защищать мои интересы, — сидел и кивал, как болванчик.

Хотя нет. Морозов хотя бы слил мне информацию о сборной. Два места. Это меняло всё.

Я вышел из машины. Дождь наконец прекратился, но воздух оставался сырым и холодным. Я вдохнул полной грудью. Пахло мокрой травой, бензином и чем-то ещё — наверное, приближающейся зимой.

В административном крыле было тихо. Я поднялся на третий этаж, но на этот раз не к кабинету президента, а в крыло аналитического отдела. Морозов сказал, что встреча с Ждановой назначена на девять. У меня было время подготовиться.

Кабинет 317. Табличка всё та же: «Д.А. Жданова. Аналитический отдел». Рядом — стикер: «Без стука не входить. Без данных — тем более».

Я постучал.

— Войдите.

Голос — как выстрел. Сухой, чёткий, без единой лишней ноты. Я толкнул дверь.

Она сидела за своим столом, в той же позе, что и в первую встречу: спина прямая, плечи развёрнуты, подбородок чуть приподнят. Водолазка — на этот раз тёмно-синяя. Очки в золотой оправе. Каре — волосок к волоску. И взгляд — тёмные глаза смотрели на меня без тени эмоций.

— Березин, — произнесла она, не поздоровавшись. — Вы рано.

— Я изменился, — я растянул губы в улыбке. — Больше не опаздываю.

Она проигнорировала мою улыбку. Разумеется.

— Садитесь.

Я сел. На этот раз не вальяжно, а прямо, как она. Копирование позы — базовый приём установления контакта. Она заметила — я видел, как чуть дрогнули её брови, — но ничего не сказала.

— Итак, — она взяла планшет, — я получила уведомление от президента клуба. Вы согласились на индивидуальную работу. Я правильно понимаю?

— Правильно.

— И вы осознаёте, что эта работа потребует от вас полной перестройки стиля игры?

— Осознаю.

— И вы готовы следовать моим рекомендациям, даже если они будут противоречить вашим привычкам?

— Готов.

Она отложила планшет и посмотрела на меня. Долго. Секунд десять, не меньше. Я выдержал этот взгляд, не отводя глаз.

— Березин, — сказала она медленно, — я не верю ни одному вашему слову.

Я чуть не поперхнулся.

— В смысле?

— В прямом. Ваше поведение изменилось радикально и за слишком короткий срок. Вчера вы хлопали дверью и срывали таблички с кабинетов. Сегодня вы — сама покладистость. Это не трансформация. Это тактика.

— Может, я просто осознал свои ошибки?

— Вероятность того, что нарциссическая личность с вашим профилем осознаёт ошибки за одну ночь, — менее трёх процентов. — Она поправила очки средним пальцем. — Вы что-то задумали. Что именно?

Вот же... Я мысленно выругался. Она читала меня как открытую книгу. Хуже — как учебник для начинающих.

— Ладно, — я поднял руки, признавая поражение. — Вы правы. Я не изменился за одну ночь. Но я действительно хочу попасть в сборную. И для этого я готов работать. Даже с вами.

— Даже со мной, — повторила она. — Какая честь.

— Послушайте, Жданова. — Я подался вперёд, убирая улыбку. — Я не умею проигрывать. И не умею быть вторым. Сборная — это то, ради чего я играю. Если для этого нужно научиться пасовать — я научусь. Если нужно слушать вас — я буду слушать. Но не думайте, что я буду счастлив от этого.

Она молчала. Смотрела на меня, чуть склонив голову. И впервые в её взгляде мелькнуло что-то, похожее на интерес.

— Вот так уже лучше, — сказала она. — Честность. Это то, с чем я могу работать.

— Значит, перемирие?

— Нет. — Она встала и подошла к большому экрану на стене. — Перемирие подразумевает равенство. А в этой комнате равенства нет. Есть я — ваш аналитик. И есть вы — мой подопечный. И будете делать то, что я скажу.

— А если не буду?

— Тогда скамейка запасных. Вы это уже знаете.

Я сжал зубы, но сдержался. Она права. Она держит все карты. И пока что мне остаётся только играть по её правилам.

— Хорошо, — сказал я. — Что сегодня?

— Сегодня, — она коснулась планшета, и на экране появилась новая схема, — мы начнём с теории. Вы узнаете, что такое xG, xA и packing. А потом мы пойдём на поле, и вы попробуете применить это на практике.

— xG? packing? Это ещё что за звери?

— xG — expected goals, ожидаемые голы. Показатель, который оценивает вероятность взятия ворот после каждого удара. xA — expected assists, ожидаемые голевые передачи. А packing — это метрика, которая считает, сколько соперников вы отрезаете одним пасом. —

Она говорила быстро, без запинки, как будто читала лекцию. — Всё это — инструменты, которые помогут вам понять, что футбол — это не только голы.

— А что же ещё?

— Пас, который отрезает четверых защитников, иногда ценнее гола.

— Это вы своим цифрам расскажите.

— Я вам сейчас и рассказываю.

Я вздохнул. Предстоял долгий день.

Теоретическая часть длилась час. Она гоняла меня по терминам, показывала графики, заставляла разбирать мои собственные матчи с точки зрения продвинутой статистики. И знаете что? Это было... интересно. Я ненавидел признавать это, но когда она объясняла, почему мой удар с левого фланга в матче с ЦСКА имел низкий xG, а пас, который я не отдал, — высокий xA, я начал видеть игру иначе.

— Вы могли бы забить не двадцать семь, а тридцать пять, — сказала она, выключая экран. — Если бы использовали партнёров.

— Или не забил бы ни одного, если бы пасовал, когда нужно бить.

— Баланс, Березин. В этом всё и дело. Не нужно пасовать всегда. Нужно понимать, когда пас выгоднее удара.

— И как это понять?

— Практика. Много практики. — Она встала. — Пойдёмте на поле.

На малом манеже было пусто. Только мы вдвоём, мяч и разметка. Дождь снова начал накрапывать, но Даша, казалось, не замечала его. Она стояла у кромки поля, на каблуках, с планшетом в руке, и выглядела так, будто находилась в конференц-зале, а не под открытым небом.

— Сегодня мы работаем над быстрым принятием решений, — объявила она. — Я буду давать вам пас. Вы будете обрабатывать и либо бить, либо пасовать воображаемому партнёру. Сигнал — моя рука.

— Это мы уже проходили.

— Сегодня будет сложнее. Я добавлю ложные сигналы. И скорость. Если замешкаетесь — штрафной круг.

— Штрафной круг? Мы что, в школе?

— Вы — в школе, Березин. — Она чуть улыбнулась — впервые за всё время. — В моей.

Я не успел ответить, потому что мяч уже летел в мою сторону. Пас — точный, низом, прямо в ноги. Я обработал, поднял голову — её рука была поднята. Пас. Я отправил мяч в пустоту. Сделал это быстрее, чем в прошлый раз.

— Уже лучше, — отметила она.

— Я способный ученик.

— Посмотрим.

Она гоняла меня полтора часа. Ложные сигналы, настоящие сигналы, паузы, ускорения. Пару раз я ошибся — бил, когда нужно было пасовать, — и она заставляла бежать штрафной круг. Я бежал. Сжав зубы, проклиная её про себя, но бежал.

К концу тренировки я вымотался так, что ноги гудели. Но странное дело — я чувствовал не только усталость. Я чувствовал прогресс. Когда я угадывал с решением, когда отдавал пас именно туда, куда нужно, — это приносило удовлетворение. Другое, чем после голов. Более... зрелое, что ли.

— На сегодня всё, — сказала она, убирая планшет.

— Уже? — Я вытер пот со лба. — А я думал, вы меня до смерти загоняете.

— До смерти — контрпродуктивно. Мне нужен живой нападающий, а не труп.

— Рад, что я вам нужен хоть в каком-то качестве.

Она сняла очки и протёрла их краем водолазки. Без очков она выглядела моложе. И уязвимее. Я снова поймал себя на мысли, что она красива. Не той яркой, кричащей красотой, а сдержанной, строгой, но от этого ещё более притягательной.

— Жданова, — сказал я, делая шаг ближе, — можно личный вопрос?

— Зависит от вопроса.

— Почему вы носите каблуки? На поле. В дождь. Это же неудобно.

Она надела очки и посмотрела на меня. Долго. Я уже думал, что она не ответит.

— Потому что в мире мужчин я хочу чувствовать себя на равных, — произнесла она. — А без каблуков я на десять сантиметров ниже вас. И это даёт вам ложное чувство превосходства.

— Ложное?

— Разумеется. Превосходство измеряется не в сантиметрах. Но мужчины этого не понимают. Поэтому я ношу каблуки. Это упрощает коммуникацию.

Я усмехнулся.

— Вы всё просчитываете?

— Абсолютно.

— И какой же у вас рост? Без каблуков?

— Это тоже личный вопрос.

— Но я же спросил.

Она помедлила.

— Метр семьдесят.

— А на каблуках — метр восемьдесят. Как я.

— Почти.

— Значит, сейчас мы на равных.

— Нет, — она взяла планшет. — Сейчас вы — вымотанный футболист с перегретыми мышцами, а я — ваш аналитик с данными. Равенства нет. Завтра в девять. Не опаздывайте.

Она развернулась и пошла к выходу. Каблуки оставляли маленькие дырочки в мокром газоне. Я смотрел ей вслед и думал: «Эта женщина меня доконает».

Но впервые за долгое время я не хотел, чтобы это заканчивалось.

Вечером я сидел в квартире и переписывался с Морозовым.

«Как прошла тренировка?»

«Нормально. Она гоняет меня как новобранца».

«Это хорошо. Значит, она видит потенциал. Если бы ты был безнадёжен, она бы не тратила время».

«Или она просто наслаждается моими мучениями».

«Может, и так. Но главное — результат. Что насчёт сборной?»

Я откинулся на спинку кресла и задумался. Два места. Одно — в нападении. Морозов сказал, что меня ждут. Но ждать будут не вечно.

«Что мне нужно сделать, чтобы гарантировать место?»

«Показать стабильный прогресс в командных взаимодействиях. И чтобы Жданова дала положительный отчёт. Без него — никак».

Жданова. Опять она. Везде она. Моя карьера, моя жизнь, моё будущее — всё завязано на женщину, которая смотрит на меня как на набор цифр.

«Я понял. Буду работать».

«Рад слышать. Кстати, есть ещё кое-что. Завтра на тренировке будет наблюдатель из сборной. Они хотят посмотреть на тебя в деле».

Я замер. Наблюдатель. Завтра. Это шанс. Тот самый шанс, которого я ждал.

«Почему ты не сказал раньше?!»

«Потому что ты должен быть естественным, а не играть на камеру. Просто делай то, что говорит Жданова. И всё получится».

Я выдохнул. Наблюдатель. Ладно. Я готов. Я завтра покажу им такой пас, что они забудут о всех моих прошлых грехах. А если нет...

Если нет — у меня есть запасной план. Тот самый, где я нахожу слабое место Ждановой и использую его. Но это на крайний случай. Пока что я буду играть по её правилам.

Я подошёл к зеркалу. Посмотрел на себя. Уставший, но собранный. Мышцы гудели после тренировки, но это была приятная боль. Боль роста.

— Завтра, — сказал я отражению. — Завтра всё решится.

Отражение кивнуло.

Глава 4. Ледяной приём

Даша

Я приехала на базу в шесть сорок три. На семнадцать минут раньше обычного. Не потому, что нервничала — я не нервничаю, это непродуктивная трата глюкозы. Просто утренний трафик оказался на удивление пустым, а я всегда закладываю на дорогу время с двадцатипроцентным запасом. Формула простая: расчётное время умножить на коэффициент одна целая две десятых. Это спасает от опозданий и даёт возможность выпить кофе до начала рабочего дня.

Но сегодня кофе подождёт.

Открыла его профиль. Сделала это без удовольствия. Морозов скинул ссылку ещё вчера, но я откладывала. Не хотелось тратить время на чужие лайки. Но работа есть работа.

Анализ игрока — это не только тепловые карты и xG. Это ещё и голова. То, что у него в голове, всегда проявляется вовне. У Березина — в соцсетях.

Первое, что бросилось в глаза — частота. Три-четыре поста в день. Сторис каждые два часа. Фото с тренировок. Фото в машине. Фото у зеркала. Фото завтрака. Подписи: «топчик», «рвать», «чемпионский завтрак», «они не готовы». Хэштеги повторяются: #Березин #Зенит #топчик #играем. Минимум смысла, максимум пафоса.

Я поправила очки. Очевидно, что контент рассчитан на фанатскую аудиторию. И на самого автора. Каждый пост — это поглаживание собственного эго. Фактически — самотерапия. Он убеждает себя, что он топ, и ждёт подтверждения от подписчиков.

Я открыла комментарии. Он отвечает. Часто. Коротко. «Скоро», «Увидишь», «Красава». Поддерживает диалог, но ровно до тех пор, пока ему пишут комплименты. Критику игнорирует. Один пользователь написал: «Без голов ты никто, Березин. Пасуй, эгоист». Ответа нет. Комментарий заминусован подписчиками, но Березин его не удалил. Просто замолчал. Значит, задевает.

Я сделала пометку в блокноте: «Триггер — критика без голов. Защитная реакция — игнор».

Пролистала ниже. Фото у зеркала в раздевалке. Голый торс, мокрые волосы, ямочка на щеке. Подпись: «Работа сделана. #топчик». Сорок две тысячи лайков. Комментарии: «Красавчик», «Хочу», «Ты лучший». Я задержала взгляд на его лице. Высокомерный прищур, чуть вздёрнутый подбородок. Поза — демонстрация доминирования. Классическая компенсация. Он не просто показывает тело — он требует признания. «Посмотрите на меня. Скажите, что я хорош». Вероятность того, что он сам верит в это, — процентов тридцать, не больше.

Я отодвинула телефон и потёрла переносицу. Напыщенный. Самовлюблённый. Придурок. Это было очевидно. Но интересно другое: зачем ему столько подтверждений? Зачем ему эти сорок две тысячи лайков, если он уже лучший бомбардир лиги? Зачем ему эти комментарии от незнакомых женщин, если он может получить любую?

Ответ был прост. Он не верит. Он не чувствует себя лучшим. Он — пустой внутри. И пытается заполнить эту пустоту чужим одобрением и быстрыми эндорфинами. Как наркоман дозой.

Я снова взяла телефон. Фото завтрака. Яйцо, авокадо, кофе. Ключи от «БМВ» в кадре. Не просто завтрак — демонстрация статуса. Подпись: «Завтрак чемпиона». Вероятность того, что завтрак остыл, пока он выкладывал пост, процентов девяносто. Вероятность того, что он съел его стоя — процентов восемьдесят.

Я фыркнула. Представила, как этот накачанный павлин раскладывает еду на столе, двигает тарелку, ловит свет. Ради чего? Ради лайков. Ради того, чтобы незнакомые люди написали «красавчик». Ради того, чтобы на пару минут забыть, что внутри — ничего.

Я закрыла ВК и открыла его игровую статистику. Вот здесь он был хорош. Голы, скорость, процент обводок. Но даже тут — перекос. Пас — двенадцать процентов. Командные взаимодействия — ниже среднего. Он играл сам на себя. Точно так же, как жил.

Наверняка он включит свою ямочку, свой прищур, свою дежурную улыбку. Будет пытаться меня очаровать или унизить — смотря по настроению. А я буду смотреть на него и знать: этот напыщенный придурок — просто мальчик, который не верит, что достоин любви. И это знание даст мне преимущество.

Я надела очки. Сделала последнюю пометку в блокноте: «Субъект: Артём Березин. Диагноз: нарциссическая компенсация. Прогноз: будет сопротивляться. Метод: цифры и отсутствие реакции на провокации».

Захлопнула блокнот и вышла из кабинета, поднялась на второй этаж в медицинское крыло — туда, где располагался кабинет спортивной психологии. На двери висела табличка с фамилией «Соколова А.С.» и наклейка с единорогом — её повесила сама Анна Сергеевна, когда поняла, что суровые футболисты боятся слова «психолог» и обходят кабинет стороной. Единорог, говорила она, снимает напряжение лучше любой терапии. Я не спорила.

Постучала и вошла, не дожидаясь ответа. Мы дружили достаточно давно, чтобы позволить себе такие вольности.

Аня сидела за столом и, кажется, медитировала над чашкой чая. То есть буквально — глаза закрыты, ладони сложены, лицо безмятежно. Она вообще была самым спокойным человеком в этом здании. Может, самым спокойным во всём Петербурге. Иногда мне казалось, что если рядом с ней взорвётся бомба, она просто откроет глаза, скажет «любопытный стимул» и продолжит пить чай.

— Привет, — сказала я, закрывая дверь.

Она открыла один глаз.

— Дашка. Ты сегодня рано. Даже для себя.

— Надо поговорить.

— О Березине?

Я замерла.

— Как ты узнала?

— А о ком ещё? — Она открыла второй глаз и потянулась. — Весь клуб только о вас и говорит. «Жданова взялась за Березина», «Жданова его гоняет», «Жданова — единственная, кто не тает от его ямочки». Последнее — цитата из раздевалки, Котов сказал.

Я села в кресло напротив. Оно было мягким, глубоким — специально, чтобы пациенты расслаблялись. Но я не пациент. Я просто друг, которому нужен совет.

— Анют, мне нужен его психологический портрет.

— Официальный? — Она подняла бровь. — Или по дружбе?

— По дружбе. Официально я не имею права запрашивать такие данные без согласия.

— А неофициально — пожалуйста, — Она отхлебнула чай и откинулась на спинку кресла. — Что ты хочешь знать?

— Всё. Тип личности. Травмы. Триггеры. Почему он такой... невыносимый.

Анна усмехнулась.

— Ты описываешь его как болезнь.

— Он и есть болезнь. Заразная. Для команды.

— Но не для тебя?

— На меня у него иммунитета нет, — сказала я, поправляя очки. — Я для него как антибиотик. Горько, но полезно.

Анна рассмеялась. У неё был удивительный смех — тёплый, журчащий, совершенно не вязавшийся с образом клинического психолога.

— Ладно, — сказала она, отставляя чашку. — Давай разбирать твоего антибиотикоустойчивого пациента.

Она встала, подошла к стеллажу и вытащила тонкую папку. Я заметила, что она была без этикетки — значит, неофициальная. Значит, Анна готовилась к этому разговору. Ждала меня.

— Ты знала, что я приду.

— Разумеется. Ты предсказуема, дорогая. Как любая система, построенная на логике. — Она села обратно и раскрыла папку. — Итак, Артём Сергеевич Березин, двадцать четыре года, нападающий. Что мы имеем? Классический нарциссический паттерн, сформированный в детстве. — Она провела пальцем по записям. — Отец — бывший футболист, не реализовавший себя. Мать — эмоционально отсутствующая, выполняла роль наблюдателя. Основной месседж из детства: «Ты ценен, только когда забиваешь». Знакомая история?

— Более чем. Я это и без тебя видела.

— А дальше — интереснее, — Она перелистнула страницу. — У него нет опыта безусловного принятия. Вообще. Ни разу в жизни. Каждый раз, когда его хвалили, это было за результат. Голы, рейтинги, просмотры в соцсетях. Он не знает, что можно быть любимым просто так. Поэтому он и проверяет всех на прочность — подсознательно ждёт, что его отвергнут. И провоцирует это отвержение, чтобы контролировать процесс. Понимаешь?

Я кивнула. Это было логично. До ужаса логично.

— Его агрессия — это защита, — продолжала Аня. — Его эгоцентризм — это компенсация. Его навязчивая потребность в лайках — это голод. Не по вниманию. По подтверждению, что он существует. Что он чего-то стоит.

— И что с этим делать?

— А что ты уже делаешь? — Анна посмотрела на меня поверх папки. — Я слышала, ты его гоняешь на тренировках и не ведёшься на его чары.

— Это не терапия. Это дрессировка.

— Дрессировка тоже работает. Особенно если у собаки травма привязанности, — Она захлопнула папку. — Если серьёзно, Даш, у тебя есть шанс. Ты — первый человек в его окружении, который не покупается на его обаяние и не требует от него голов. Ты требуешь от него игры. Это другое. И он это чувствует.

— Он чувствует, что я его бешу.

— Бешенство — это тоже чувство. Лучше, чем равнодушие, — Анька допила чай и поставила чашку на стол. — Знаешь, что самое забавное?

— Что?

— Он тебя боится.

Я фыркнула.

— Березин? Меня? Этот самоуверенный хам?

— Именно, — она кивнула. — Артем привык, что женщины на него реагируют. А ты — нет. Ты смотришь на него и видишь не мужчину, а график. И он не знает, что с этим делать. Его обычные инструменты не работают. Это выбивает его из колеи.

— Так и должно быть.

— Да. Но будь осторожна, — Аня наклонилась вперёд и понизила голос. — Когда его инструменты окончательно сломаются, он начнёт искать новые. И, скорее всего, это будет что-то, чего ты не ожидаешь.

Я помолчала. Потом спросила:

— Ты говоришь как психолог или как подруга?

— И то, и другое. Как психолог я говорю: у него избегающий тип привязанности с нарциссической защитой. Как подруга я говорю: он горячий, Даш. Серьёзно горячий. Ты видела его пресс?

Я поперхнулась.

— Ты же замужем!

— И что? — Анна пожала плечами. — Я замужем, а не слепая. У него отличный пресс. И плечи. И эта ямочка на щеке... Но я не про это.

— А про что?

— Про то, что горячий пресс — это не причина влюбляться. Мой Саша, например, тощий как велосипед, и у него в жизни не было ни одного кубика. Он работает в бухгалтерии строительной фирмы и на досуге коллекционирует марки. Но когда он приходит домой и говорит: «Анюта, я принёс тебе круассан», у меня внутри всё тает. Потому что он видит меня. Не функцию, не психолога, не жену — меня. Понимаешь разницу?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.